

На правах рукописи

Коростелев Алексей Михайлович

**БУТУХЕЙСКИЕ И ЕЛГИНСКИЕ
ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ
ПРЕДБАЙКАЛЬЯ V в. до н.э. – IV в. н.э.**

Специальность 5.6.3. Археология

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Барнаул - 2022

Работа выполнена в ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет» на кафедре истории и философии

Научный руководитель

доктор исторических наук, профессор
Харинский Артур Викторович

Официальные оппоненты

Мандрыка Павел Владимирович
доктор исторических наук;
ФГАОУ ВО «Сибирский
федеральный университет»,
кафедра истории России, мировых и
региональных цивилизаций, профессор
Ковычев Евгений Викторович
кандидат исторических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Забайкальский
государственный университет»
кафедра истории, доцент

Ведущая организация

ФГБУН «Институт истории,
археологии и этнографии
народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения
Российской академии наук»
Отдел археологии, сектор
первобытной археологии

Защита состоится 2 июня 2022 г. в 13:00 часов на заседании диссертационного совета 24.2.269.01 при ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» по адресу: 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61, ауд. 416.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», http://www.asu.ru/science/dissert/hist_diss/

Автореферат разослан «__» _____ 2022 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Горбунов Вадим Владимирович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Погребально-поминальные комплексы являются одними из наиболее информативных типов археологических объектов, дающих возможность судить о разных сторонах жизни древних обществ. Особенности погребального ритуала и набор сопроводительного инвентаря, фиксируемые в них, позволяют проводить реконструкцию процессов культурогенеза отдельных человеческих коллективов и выстраивать модели региональных контактов. Кроме материальной культуры, при раскопках погребений можно проследить и особенности ритуалов, связанных с верованиями и обычаями древних людей, выявить некоторые закономерности и устойчивые элементы погребальной обрядности различных общностей.

Отдельно следует отметить неравнозначную степень археологической изученности объектов железного века в различных районах Предбайкалья. Например, из долины реки Ангары материал представлен преимущественно случайными находками, не дающими целостного представления о комплексах указанного времени. Кроме этого, уровень изучения различных видов археологических объектов рассматриваемого периода также дифференцирован.

Данные, полученные в результате проведенных в начале XXI в. археологических исследований погребально-поминальных комплексов, существенно дополнили представления о древней истории Прибайкалья. В значительной мере это позволило судить о культурной принадлежности, хозяйственном укладе и культурных взаимодействиях древних сообществ, соорудивших погребально-поминальные комплексы в разных районах Предбайкалья и относящихся к бутухейской и елгинской погребальным традициям.

Актуальность комплексного обобщения результатов археологических исследований погребально-поминальных комплексов бутухейцев и елгинцев определяется сохраняющейся неоднозначностью выводов о времени формирования и существования этих погребальных традиций на территории Предбайкалья, взаимодействии их носителей друг с другом и с представителями соседних регионов.

Цель диссертационной работы - на основе комплексного анализа археологических материалов из погребально-поминальных комплексов отобразить культурно-историческую картину, сложившуюся в V в. до н.э. – IV в. н.э. на территории Предбайкалья.

Задачи исследования:

1) Систематизация имеющихся данных по изучению археологических объектов побережья озера Байкал, датирующихся второй половиной I тысячелетия до н.э. – первой половиной I тысячелетия н.э.;

2) Обобщение накопленных материалов предшественников и ввод новых данных, полученных в результате раскопок 2003-2016 гг.;

3) Общая и детальная характеристика погребально-поминальных комплексов, выделение особенностей погребального ритуала для бутухейской и елгинской погребальной традиции Предбайкалья;

4) Интерпретация коллекции предметов из захоронений и поминальных комплексов: типологический, морфологический и функциональный аспекты;

5) Попытка исторической реконструкции процессов, происходивших в Предбайкалье во второй половине I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э.

Объектом исследования служит материальная и духовная культура населения Предбайкалья в V в. до н.э. – IV в. н.э.

Предметом исследования являются археологические материалы, полученные в результате исследования бутухейских и елгинских погребально-поминальных комплексов Предбайкалья, датирующихся V в. до н.э. – IV в. н.э.

Территория исследования - Южное Предбайкалье – регион, расположенный между горами Восточного Саяна и озером Байкал. Она включает западное побережье озера Байкал, южную часть долины р. Ангары и верховья р. Лены. Это территория, на которой отмечены елгинские и поздние бутухейские погребально-поминальные комплексы.

Хронологические рамки исследования – вторая половина I тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э. – период существования на территории Предбайкалья елгинской погребальной традиции. Начальный этап этого периода V-III вв. до н.э. характеризуется появлением первых елгинских захоронений к востоку от Байкала и продолжением господства на этой территории бутухейского погребального ритуала и плиточных могил.

Окончание елгинского этапа в истории Предбайкалья связано с появлением новых погребальных традиций – черенхынских.

Методология и методы исследования. Работа основана на системном подходе, базирующемся на принципе диалектической взаимосвязи части и целого, а также частей в целом, при изучении объектов как динамичных, эволюционирующих систем. Его предметный аспект предполагает проведение структурно-компонентного анализа посредством корреляции результатов использования различных методов (Блауберг, Юдин, Садовский, 2001, с. 559; Блауберг, 1997, с. 235; Каган, 1991, с. 19-20). Применение данных методологических положений на

конкретном археологическом материале исходило из восприятия погребального обряда и каждого памятника как упорядоченной, целостной, динамической системы взаимосвязанных элементов, обладающих для целого определенной значимостью.

В ходе работы над диссертацией использовались общеисторические методы познания (сравнительно-исторический, хронологический). При историографическом исследовании применялись историко-генетический и ретроспективный методы. Широко использовались методы и подходы, традиционно применяемые в археологических исследованиях. Определение особенностей распространения и локализации погребальных и поминальных комплексов основывалось на применении метода картографии. В рамках систематизации материалов раскопок применялся метод классификации зафиксированных конструкций. Использование типологического метода позволило рассматривать изменение выделенных типов погребальных и поминальных сооружений. Для извлечения и интерпретации информации, заключенной в погребальном обряде, применялся метод планиграфического анализа погребально-поминальных комплексов, а также морфологический и типологический методы. Кроме того, в работе использовались приемы статистической обработки результатов изучения археологических памятников, позволяющие оценить различные количественные показатели и их динамику. Для систематизации и анализа сопроводительного инвентаря применялись системно-типологический и сравнительно-аналитический приемы изучения особенностей погребального обряда и материальной культуры, использовались количественные методы, а также отдельные элементы и приемы статистики. Датирование археологических данных проведено на основе историко-культурного, стратиграфического, сравнительно-типологического и радиоуглеродного методов. Метод пространственного моделирования применен для исторической реконструкции процессов, происходивших в Предбайкалье во второй половине I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э.

Источниковую базу работы составили материалы с 19 археологических объектов, 3 из них находятся в долине р. Ангары – остров Осинский, Игетейский Лог II, Тройцк; 2 - в верховьях р. Лены – Старый Качуг, Белоусово; 5 – на северо-западном побережье Байкала – Курла II, Богучанская XII, Байкальское VII, Байкальское XXVII, Байкальское XXXI; 9 – в Приольхонье – Бутухей II, Куркутский комплекс I, Куркутский комплекс II, Хадарта II, Цаган-Хушун II, Курма II, Будун I, Елга VII, Шибэтэ VI. На четырех памятниках бутухейские и елгинские захоронения встречаются совместно – Цаган-Хушун II, Хадарта II, Байкальское XXVII и Байкальское XXXI. На остальных археологических

объектах представлены или только елгинские или только бутухейские погребения.

В течение 10 полевых сезонов автор диссертации занимался раскопками погребально-поминальных комплексов, датирующихся второй половиной I тыс. до н.э. – первой половиной I тыс. н.э. в разных районах байкальского побережья – в Приольхонье и на северо-западном побережье Байкала. Полученные в ходе работ материалы позволили по-новому подойти к решению вопросов функционального назначения, хронологии и культурной принадлежности погребально-поминальных комплексов. Значительная часть материалов, представленных в диссертации, включает данные, полученные в результате работ других исследователей, нашедших отражение в публикациях разного уровня от монографий и журнальных статей до тезисов конференций, научных отчетов, музейных коллекций.

В представленную работу не включены материалы из плиточных могил, сооружавшихся, как и бутухейские захоронения в Приольхонье и на северо-западном побережье Байкала, вплоть до начала I в. до н.э. Этот тип погребальных конструкций уже рассматривался в диссертационном сочинении Г.В. Туркина (Туркин, 2003). За последние годы новые раскопки плиточных могил на территории Предбайкалья не проводились.

Научная новизна работы. В ходе работы над диссертацией были обобщены все известные к настоящему времени материалы по бутухейским и елгинским погребально-поминальным комплексам Предбайкалья, датирующимся второй половиной I тысячелетия до н.э. – первой половиной I тысячелетия н.э. В научный оборот вводятся новые данные с археологических объектов, расположенных в долине р. Ангары, в верховьях р. Лены, в Приольхонье и на северо-западном побережье Байкала.

В ходе сравнительно-типологического, планиграфического и радиоуглеродного анализов определяется время существования на территории Предбайкалья двух погребальных традиций - бутухейской и елгинской. Пересмотрено время появления на территории Предбайкалья первых елгинских захоронений. Самое раннее из них на памятнике Цаган-Хушун II «а» датируется серединой V – серединой IV вв. до н.э. Рассматривается взаимное расположение двух погребальных традиций на памятниках и их соотношение с поминальными комплексами. Определяется последовательность сооружения погребальных и поминальных конструкций.

В диссертационной работе впервые приводится всесторонний анализ погребальных комплексов из четырех районов Предбайкалья, выделяются присущие им общие и индивидуальные черты. Приводится

классификация и типология инвентаря, обнаруженного в елгинский и поздних бутухейских погребально-поминальных комплексах. Определяется время его существования в Предбайкалье и ареал распространения. Приводится химический анализ металлических вещей из двух типов захоронений, определяются наиболее устойчивые сплавы, характерные для изделий из Предбайкалья и их возможная связь с артефактами из других регионов.

В работе рассматривается связь погребально-поминальных комплексов с другими типами археологических объектов Предбайкалья, датирующихся второй половиной I тысячелетия до н.э. – первой половиной I тысячелетия н.э. Приводится характеристика погребальных традиций и археологических культур в соседних с Предбайкальем областях и их влияние на культурно исторические процессы, проходившие в Байкальском регионе.

Понятия и термины, используемые в диссертационном сочинении, носят неоднозначный характер при их трактовке в археологической литературе. В связи с этим, автором выражено свое отношение к различным терминам, связанным с погребально-поминальной обрядностью и уточнена их формулировка.

В предлагаемой работе *погребальный обряд* – это совокупность ритуально-практических действий, осуществляемых при подготовке и совершении процесса захоронения. Основу обряда составляют *погребальные обычаи* – общепринятые способы и нормы обращения с умершим, ряд представлений и правил. *Погребальный комплекс* – это специально оформленное, различной степени сложности при организации, реальное или символическое место захоронения человека, представляющее собой вещественный результат погребального обряда. То есть рассматривается не только каменная кладка, но и все, что расположено около нее или под ней. До начала раскопок бывает сложно определить функциональное назначение того или иного искусственного сооружения, поэтому термин «*комплекс*» используется при описании раскопочных работ. *Поминальный комплекс* – термин, применяемый для обозначения сооружения с каменной кладкой, под которой может находиться яма, конструкция из камня или дерева, но отсутствуют останки человеческих захоронений. Обычно такие конструкции небольшого размера, одно- или двуслойные и имеют под собой яму с останками домашних животных, либо фрагментами керамических сосудов и другими находками.

Практическая значимость результатов исследования заключается в обновлении и расширении источниковой базы по железному веку Предбайкалья. Материалы диссертации могут использоваться в создании

обобщающих работ по древней истории Предбайкалья, а также при подготовке учебных пособий по археологии, культурологии и другим дисциплинам в ВУЗах и средних учебных заведениях. Данные материалы могут быть реализованы при чтении лекций и курсов по археологии на исторических факультетах. На основе указанных материалов неоднократно выполнялись студенческие и школьные работы в форме тезисов и докладов на научных конференциях регионального, всероссийского и международного масштаба.

Археологические коллекции, использованные в диссертации, хранятся и экспонируются в музее Иркутского национального исследовательского технического университета и Иркутском областном краеведческом музее.

Апробация работы. Основные положения работы изложены в докладах и тезисах выступлений на конференциях студентов и молодых ученых, на региональных, всероссийских и международных конференциях, таких, как: (РАЭСК - 44) XLIV Региональная (с международным участием) археолого-этнографическая конференция студентов и молодых ученых (Кемерово, 2004); (РАЭСК – 45) I (XLV) Российская с международным участием археологическая и этнографическая конференция студентов и молодых ученых (Иркутск, 2005); Всероссийская научная конференция с международным участием «Социогенез в Северной Азии» (Иркутск, 2005); (РАЭСК – 46) XLVI Региональная (II Всероссийская) археолого-этнографическая конференция студентов и молодых ученых (Красноярск, 2006); (РАЭСК – 48) XLVIII региональная (IV Всероссийская с международным участием) археолого-этнографическая студенческая конференция (Барнаул, 2008); 3-я Всероссийская конференция «Социогенез в Северной Азии» (Иркутск, 2009); (РАЭСК – 50) V (L) Российская (с международным участием) археолого-этнографическая конференция студентов и молодых ученых (Иркутск, 2010); Международная научная конференция «Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири» (Улан-Удэ, 2010), Международная научная конференция «Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири» (Иркутск, 2011).

Результаты исследований, проведенных автором, отражены в 19 научных публикациях, в том числе в 5 статьях в изданиях, рекомендованных ВАК. (Коростелев, 2010а, 2011; Korostelev, 2011; Кичигин, Коростелев, Харинский, 2018; Кичигин, Емельянова, Коростелев, 2019).

Основные положения, выносимые на защиту:

1) Материалы раскопок погребально-поминальных комплексов демонстрируют синхронное существование на протяжении второй

половины I тыс. до н.э. на территории Предбайкалья трех погребальных традиций – плиточных могил, бутухейской и елгинской.

2) Елгинские погребальные комплексы сооружались на территории Предбайкалья преимущественно в период с V в. до н.э. до IV в. н.э.

3) Происхождение елгинской погребальной традиции связано с сотниковским погребальным ритуалом, получившим распространение в Южном Забайкалье в середине I тыс. до н.э.

4) Бутухейская погребальная традиция фиксируется на территории Предбайкалья до начала I в. до н.э.

5) Артефакты, обнаруженные в бутухейских и елгинских погребально-поминальных комплексах конца I тыс. до н.э. свидетельствуют о значительном культурном влиянии со стороны империи хунну.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников литературы, списка сокращений, а также приложений и иллюстраций, включающих планы, схемы, таблицы, фотоиллюстрации и рисунки.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении представлены актуальность темы, определены цели и задачи, объект и предмет, территориальные и хронологические рамки работы, сформулирована методология и раскрыта методика исследования, обозначена источниковая база, указана научная новизна работы, а также практическая значимость полученных результатов и их апробация, выражено отношение к понятиям и терминам, используемым в диссертации, сформулированы положения, выносимые на защиту, раскрыта структура работы.

Глава I. История изучения погребальных и поминальных комплексов второй половины I тыс. до н.э. – первой половины I тыс. н.э. на побережье озера Байкал посвящена характеристике осуществленных археологических исследований и обобщению опыта интерпретации материалов раскопок погребальных и поминальных комплексов Предбайкалья. В истории изучения археологических объектов железного века на территории Предбайкалья выделено три периода. Они отличаются степенью интенсивности процесса накопления фактического материала и развитием исследовательских позиций в отношении ряда основополагающих вопросов, выделяются характерные особенности для каждого периода.

В параграфе 1.1. «Первый этап 70-е гг. XIX в. – 40-е гг. XX в.» приведены сведения о начальном этапе изучения археологических

памятников Предбайкалья, датирующихся второй половиной I тыс. до н.э. – первой половиной I тыс. н.э.

Первые исследования археологических объектов связаны с именами Н.Н. Агапитова, Б.Э. Петри и его учеников П.П. Хороших и А.П. Окладникова. Завершение этапа связано с созданием А.П. Окладниковым культурно-исторической схемы развития Прибайкалья в неолите – железном веке. Исследователь сопоставляет культуру курумчинских кузнецов с курыканами-гулиганями китайских и тюркских источников и датирует VI-X вв. н.э. Вследствие этого между памятниками бронзового века Прибайкалья и курумчинской культурой образуется лакуна, названная ранним железным веком, которая долгое время была заполнена лишь единичными археологическими находками.

Первые шаги по накоплению и систематизации материалов по железному веку побережья озера Байкал в конце XIX – первой половине XX вв. отражались в русле тех исследований, которые проводились в долине Ангары и Верхней Лены. Ограниченность источниковой базы и отсутствие достаточного количества материалов из соседних регионов не позволяли создать полноценную картину далекого прошлого Предбайкалья.

В параграфе 1.2. «Второй этап 50-е – 80-е гг. XX в.» проанализирован процесс дальнейшего накопления и систематизации сведений об археологических памятниках Предбайкалья, датирующихся железным веком.

В начале периода вопросами железного века Прибайкалья вплотную занимается В.В. Свинин, которым были открыты и частично исследованы разнотипные археологические объекты в разных частях байкальского побережья. С начала 1970-х гг. к работе в Приольхонье приступает О.И. Горюнова. Периодизация культурно-исторических этапов каменного, бронзового и железного веков, разработанная О.И. Горюновой по материалам многослойных стояночных объектов Приольхонья, долгое время будет являться эталоном и в дальнейшем ляжет в основу построения подобных периодизаций остального байкальского побережья. Хотя с течением времени взгляды исследователя на хронологию и характеристику культурно-исторических этапов в целом будут меняться.

В конце второго этапа раскопкам памятников железного века на побережье Байкала занимался Б.Б. Дашибалов. Полученный в результате исследований материал, позволил Б.Б. Дашибалову разработать хронологию археологических объектов Прибайкалья, которая в окончательном виде была представлена в его диссертации (Дашибалов, 1990), а затем и монографии, вышедшей в 1995 г. «Археологические памятники курыкан и хори» (Дашибалов, 1995).

Вторая половина XX в. характеризуется постепенным накоплением археологических материалов, датирующихся железным веком. Исследователи фиксируют индивидуальность этого периода и пытаются вписать его в уже сложившиеся культурно-хронологические схемы.

В параграфе 1.3. «Третий этап 90-е гг. XX в. – 10-е гг. XXI в.» приводятся результаты проведения крупномасштабных планомерных раскопок погребальных и поминальных памятников. Выделяется елгинский тип захоронений, ставший основным критерием при характеристике железного века в истории Предбайкалья. Раскопки проводятся в Приольхонье (О.И. Горюнова, А.В. Харинский, Г.В. Туркин), на северо-западном побережье Байкала (А.В. Харинский). На этом этапе создаются новые культурно-исторические схемы, учитывающие локальные особенности отдельных районов побережья Байкала.

Глава II. Погребально-поминальные комплексы Предбайкалья, датирующиеся второй половиной I тыс. до н.э. – первой половиной I тыс. н.э. посвящена систематизации и анализу материалов раскопок погребально-поминальных комплексов Предбайкалья. В рассмотрение берется географическое распространение памятников, их топография, планиграфия и внутреннее содержание. Разбираются конструктивные особенности погребений и поминальников, исследуются материальные останки и интерпретируется сопроводительный материал. Приведенные данные служат источниковой базой настоящего исследования.

2.1. География, топография и планиграфия погребальных и поминальных объектов. Археологические комплексы, датирующиеся V в. до н.э. – IV в. н.э. фиксируются в двух районах Предбайкалья – в Приольхонье и на северо-западном побережье оз. Байкал. Также одиночные захоронения этого периода отмечены в верховье р. Лены и долине р. Ангары. Такое географическое распространение погребений, относящихся к бутухейскому и елгинскому типу захоронений, обусловлено в первую очередь, географией региона, особенностями рельефа и неравномерной историей исследования разных районов Предбайкалья. В наиболее изученных его районах – Приольхонье и на северо-западном побережье Байкала, – был проведен анализ топографических условий расположения погребально-поминальных комплексов. Характерной чертой локализации бутухейских и елгинских комплексов является их расположение на выделяющихся в окружающем ландшафте участках местности. Значительная часть памятников локализуется на байкальских мысах.

Рассматриваемые в работе погребения обнаружены как одиночными, так и скоплением по несколько захоронений и поминальных комплексов в

одном месте на одном некрополе. Также было установлено, что эти погребения располагались на разновременных памятниках, где отмечается различный погребальный ритуал и встречаются археологические объекты иного функционального назначения (поминальники).

2.2. Особенности бутухейских погребальных комплексов.

Бутухейская группа захоронений выделена О.И. Горюновой (Горюнова, 1993). Над погребениями бутухейцев сооружались каменные кладки, чаще в виде сплошного овала или кольца размером 4,0-2,4 x 3,0-1,5 м. Конструкции состояли из плоских плотно уложенных друг к другу в один слой камней. В некоторых случаях, если комплекс подвергался разграблению, камни в средней части кладки отсутствовали. Подавляющее большинство кладок ориентировано длинной осью по линии северо-запад – юго-восток. Могильные ямы овальной формы, ориентированы длинной осью также по линии северо-запад – юго-восток. Погребенные в ямах уложены вытянуто на спине, руки вдоль тела. Направление погребенных фиксируется довольно устойчиво – головой на ЮВ. Важным показателем является то, что все погребения одиночные, то есть принадлежали одному индивидууму.

2.3. Особенности елгинских погребальных комплексов.

Елгинская группа захоронений также выделена О.И. Горюновой (Горюнова, 1993). Елгинские захоронения имеют ряд отличительных особенностей от погребений бутухейского типа как в форме надмогильных конструкций, так и положением костяка в могильной яме. В тоже время их сближает ориентировка погребенных, а также набор сопроводительного инвентаря

Елгинские погребения, располагаются под прямоугольными контурными, прямоугольными сплошными, незамкнутыми кольцевыми и круглыми кладками. Камни укладывались горизонтально в один слой. Если камни кладки проседали в могильную яму, то они приобретали наклонное или вертикальное положение. Первоначально кладки были сплошными и лишь в дальнейшем, после разборки центральной части грабителями, изменяли свой облик. Надмогильное перекрытие зафиксировано в нескольких комплексах и представляло собой плоскую 1-2-х-слойную конструкцию из камней, уложенных плашмя. В комплексе №4 могильника Цаган-Хушун II «б» зафиксировано внутримогильное перекрытие, состоящее из трех продольно уложенных жердей.

Исходя из особенностей погребального ритуала в большинстве случаев могильные ямы были небольшого размера. Они варьируются в пределах 0,6-1,4 - 0,9-1,6 м. Погребенный укладывался в скорченном положении, на правый либо левый бок. Ориентировка головой на юго-восток.

2.4. Поминальные комплексы получают широкое распространение в Предбайкалье во второй половине I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. Объекты представляют собой каменные кладки с остатками ритуальных действий, наличием инвентаря и отсутствием останков погребенного человека. Также к поминальникам отнесены ямы мелких и средних размеров, над которыми кладки из камней отсутствовали. Поминальные комплексы выявлены в Приольхонье на памятнике Цаган-Хушун II и на северо-западном побережье Байкала на памятниках Байкальское XXVII и Байкальское XXXI.

2.5. Сопроводительный инвентарь из захоронений и поминальников. Сопроводительный инвентарь является одним из важнейших показателей при определении времени сооружения или периода функционирования погребальных и поминальных комплексов вследствие своей специфичности как археологического источника. Сопроводительный инвентарь разделяется на несколько групп. Основопологающим критерием его принадлежности к одной из групп является функционально-бытовое использование предмета. Выделены пять групп находок – ***военное снаряжение, конское снаряжение, украшения и принадлежности одежды, посуда, бытовые предметы.***

В первую группу, состоящую из ***военного снаряжения,*** включены 56 костяных наконечников стрел; 21 костяная накладка лука; 2 железных наконечника стрел; 1 каменный наконечник стрелы; 15 железных и 7 бронзовых ножей; 1 фрагмент железного кельта, 2 бронзовых кельта. В целом, находки предметов вооружения происходят из 32 комплексов. Они встречены не на всех объектах. Оружие отсутствовало на памятниках Хадарта II, Шибэтэ VI, Елга VII, Байкальское VII.

Самой представительной выглядит коллекция ***наконечников стрел.*** При этом в ее состав входит лишь два железных наконечника. Все костяные наконечники, кроме одного, относятся к одному отделу – с расщепленным насадом.

Накладки лука изготовлены из рога или кости. По своему функциональному применению они подразделяются на два вида - концевые и срединные. В исследованных комплексах только в одном случае обнаружена срединная накладка - в погребении возле д. Белоусово. Остальные накладки являлись концевыми. Они отмечены в 8 комплексах на 6 объектах. Концевые накладки на лук распространяются со второй половины II тыс. до н.э., а срединные накладки на лук широкое распространение получили в конце I тыс. до н.э.

Обнаруженные в могильнике Будун I костяные накладки располагались по две с противоположных сторон могильной ямы. По всей видимости, они сохранили свое первоначальное положение, что позволяет

реконструировать длину лука, уложенного вместе с умершим в яму. Она составляла около 125 см.

Ножи отнесены к элементам военного дела, но они могли быть и полифункциональными предметами. Не исключено, что ножи также использовались в быту для хозяйственных целей или были едовыми. Ножи обнаружены на 9 объектах, в 19 комплексах. Они изготовлены из железа (15 экз.) и бронзы (7 экз.).

Железные ножи обнаружены только в комплексах, относящихся к елгинскому типу. Изделия черешковые или петельчатые, однолезвийные, большая часть из них клиновидной формы с лезвийным уступом.

Бронзовые ножи зафиксированы в комплексах бутухейского типа и только один бронзовый нож происходит из елгинского комплекса, он обнаружен под кладкой №2 Байкальского XXVII.

Кельты. Обломок железного кельта обнаружен в одном елгинском комплексе - Цаган-Хушуна II «b» - 9. У него выгнутое лезвие и сходящиеся к обушку боковые стороны. Найденные в бутухейском погребении №3 памятника Курла II 2 бронзовых кельта однотипные по форме. Они прямоугольные, клинообразные, ассиметричные.

Конское снаряжение.

Данная группа находок представлена несколькими экземплярами. Это *удила*, обнаруженные на могильнике Елга VII, расположенном на о. Ольхон (комплекс №16) и *рукоять плети*, найденная в погребении №3 памятника Байкальское XXXI на северо-западном побережье Байкала. Возможно, сюда же можно отнести бронзовую *ворворку* – распределитель ремня, обнаруженную в комплексе №8 Байкальского XXVII.

Кольцевые удила из железа, кованые, прямоугольные в сечении. Звенья изделия ассиметричные. Соединение удил между собой петельчатое. Противоположные концы плотно склепаны, образуя петлю подтреугольной формы с закругленными углами.

Подобные по форме удила, изготовленные из бронзы, встречаются уже в позднем бронзовом веке. Во второй половине VI в до н.э. – на рубеже V-IV вв. до н.э. происходит смена бронзовых удил железными (Могильников, 1997, с. 61, рис. 48-15), которые продолжали встречаться на археологических памятниках Южной Сибири до VIII в. (Поляков, 1983, с. 107, рис.4-3), а возможно, и до IX-X вв. (Васютин, Елин, 1983, с. 121, рис. 3-9).

Украшения и принадлежности одежды.

Находки этой группы встречены на 13 объектах в 41 комплексе. Среди обнаруженных предметов наиболее широко представлены металлические детали костюма, имеющие как практическое, так и декоративное значение – украшать владельца. В состав обнаруженных

вещей входят *пуговицы, бляшки, подвески, ременные пряжки, кольца, серьги, бусины, ременные пластины.*

Всего найдено 27 бронзовых и 16 железных *пуговиц.* Все они с петелькой с обратной стороны. В трех комплексах встречены как изделия из бронзы, так и из железа. Пуговицы, обнаруженные в бутухейских и елгинских комплексах, круглой сферической формы с припаянной дужкой с обратной стороны – плоской либо дугообразной. Диаметр изделий от 0,8 до 3,5 см.

Неорнаментированные пуговицы имеют чрезвычайно обширные пространственно-временные аналогии. Подобные предметы встречены в Забайкалье, Монголии, Туве, Минусе, Алтае, Приобье в погребальном инвентаре различных археологических культур.

Бляшки и подвески представлены изделиями из бронзы и железа. 46 предметов, включающих крестовидные четырехлепестковые и бабочковидные бляшки, в том числе с изображением голов грифонов; 1 бляшка-пуговица из бронзы в виде головы рогатого животного; 1 бронзовая подвеска с изображением хищного зверя, являющаяся частью нагрудного украшения; бронзовые ложечковидные подвески ремня - 6 экземпляров.

Бронзовые крестовидные четырехлепестковые бляшки обнаружены в четырех комплексах – в Приольхонье на памятнике Будун I – 3 и Хадарта II – 2 и на северо-западном побережье Байкала на могильнике Байкальское XXXI в комплексах №1 и №3.

В комплексе №3 Байкальского XXXI найдено 2 бронзовые четырехлепестковые бляшки с изображением голов грифонов. В могильниках юга Западной Сибири бляшки с четырьмя головами грифонов из бронзы датируются серединой I тыс. до н.э. Только на западносибирских бляшках головы грифонов повернуты друг к другу, а не в противоположные стороны (Мартынов, 1976; Кулемзин, 1979). Радиоуглеродная дата, полученная по костям погребенного 2130±50 л.н. (СОАН-4100) свидетельствует о том, что изделия такого типа проникают на северо-западное побережье Байкала на пару веков позже, в отличие от их западносибирских аналогий.

На памятнике Байкальское XXXI при раскопках комплекса №1 под кладкой обнаружены две железные бабочковидные бляшки. На каждом из крыльев изображено по две головы грифона, развернутые в разные стороны. Еще четыре аналогичных предмета найдены в погребении №3 этого же могильника. В погребении №8, в составе сопроводительного инвентаря также обнаружены железные бабочковидные бляшки. Они найдены в районе бедер и, по всей видимости, являлись украшением пояса.

Бляшки с изображением голов животных обнаружены в двух комплексах. В погребении №4 памятника Цаган-Хушун II «b» бронзовая бляшка-подвеска с изображением морды медведя. Она располагалась в центре ожерелья в районе шеи погребенной. На нить с обеих сторон также были нанизаны бусины из камня. В комплексе №2 Байкальского XXVII обнаружена бронзовая бляшка-пуговица в виде рогатого животного, скорее всего, яка или барана.

Ложечковидные подвески (застежки) обнаружены в трех комплексах. Изделия являются деталями одежды, застежками поворотного типа либо застежками ремня. Ложечковидные предметы крепились на поясе и также являлись украшением. Обнаруженные в Предбайкалье ложечковидные подвески аналогичны многочисленным роговым и бронзовым застежкам из Иволгинского городища и могильника из Забайкалья, которые датируются последними веками до н.э. – началом н.э. и относятся к культуре хунну (Давыдова, 1985).

Ременные пряжки - 2 железные; 7 бронзовых, из которых 3 со шпеньком (выступом) для отверстия в кожаном ремне, 3 ступенчатые рамки с остатками кожаных ремешков и 1 кольцо с местом для крепления ремня; 6 предметов из кости, включая 1 застежку поворотного типа и 3 застежки-ворворки. На исследуемых памятниках обнаружены пряжки со шпеньком (выступом для крепления ремня), элементы поворотного типа (стержень, продевающийся в кольцо) и собственно кольцо, которым заканчивалась одна часть кожаного пояса. В эту же группу отнесены 3 ступенчатые рамки, на которых имелись остатки кожаных ремней.

Из погребения №18 памятника Хушун II «b» происходит бронзовая пряжка в виде головы быка. Подобная пряжка имеет аналогии среди ордосских художественных бронз. Но на пряжках из Ордоса голова быка в сравнении с общей поверхностью изделия, меньше и выделена частыми симметричными отверстиями от общего объема бляхи.

Кольца. В эту группу вошли 2 бронзовых, 11 железных, 4 костяных и 1 каменное кольца. Кольца малых размеров, обнаруженные возле затылочной части черепов, являлись наконечниками, остальные предметы были деталями одежды.

Серьги – 3 экземпляра. Первая обнаружена в могильной яме комплекса №4 памятника Цаган-Хушун II «b» у левого суставного отростка нижней челюсти, крепившаяся, судя по расположению, к левому уху. Она бронзовая с золочением. На Байкальском XXXI в комплексе №6 найдена круглая золотая сережка и спиралевидная серебряная сережка. Последняя находит аналоги из материалов погребения 4а кургана №1 алтайского могильника Локоть-4а, датирующегося V в. до н.э. Подобные

украшения крепились к восьмеркообразному основанию, а их нижней части закреплялась стеклянная или каменная бусина (Шульга, 2003).

Бусины – 39 каменных (круглые и граненные), 1 бронзовая и 2 круглых из стекла. Предметы обнаружены в на 6 объектах. Большая часть бусин имеют круглую форму, несколько бусин граненные.

В погребении возле д. Белоусово найдена бусина с «глазками», диаметром 2 см. Она из камня зеленовато-серого цвета. В ее теле имеются лунки, заполненные «глазками» в сложной инкрустационной технике: на слой белой пасты накладывались «чашечки» светло-зеленого стекла. В каждом таком «глазке» - три слоя пасты и два слоя стекла. Рядом с ней найдено еще две бусины, изготовленные из полупрозрачного голубовато-зеленого стекла. Подобные бусины встречаются в скифских памятниках Причерноморья.

Самая представительная коллекция бусин встречена на памятнике Цаган-Хушун II в погребении №4. Они располагались вдоль нижней челюсти погребенной и составляли ожерелье из 22 бусин, в центре которого находилась бронзовая подвеска. Ближе к подвеске располагались круглые сердоликовые бусы янтарного цвета, за ними следовали шестигранные сердоликовые бусы, шестигранные бусины из сургучно-красной яшмы, уплощенные шестигранные сердоликовые бусины и белые круглые пастовые бусины, покрытые сверху в несколько слоев клеевой корочкой.

Бронзовые поясные пластины в количестве 8 штук обнаружены на 4 объектах. Причем только одна пластина является простой в исполнении. Остальные пластины являются литыми ажурными и относятся к «ордосским художественным бронзам».

3 бронзовые литые прямоугольные ажурные пластины происходят из погребения №4 с о. Осинский. Пластины с геометрическим узором (решетчатым орнаментом) - 2 экз. и со сценой борьбы двух животных - 1 экз. Последняя пластина по периметру имеет прямоугольную рамку, покрытую удлиненными ячейками, внутри нее запечатлены фигуры борющихся животных (Смотрова, 1991, с. 141).

Бронзовая поясная пластина, происходящая из Куркутского комплекса, с мотивом извивающихся змей. В комплексе №5 памятника Цаган-Хушун II «б» найдена пластина с аналогичным сюжетом.

Ажурные пластины, датирующиеся рубежом эр, имеют аналогии в материалах Забайкалья, Монголии, Минусинской котловине, Ордосе, то есть в областях, которые в начале нашей эры находились под контролем державы хунну (Дэвлет, 1976, с. 56; Давыдова, 1985, с. 58). Также такие предметы обнаружены в курганах Алтая и Тувы, в археологических

памятниках Северного Кавказа, Украины, Казахстана, Монголии, Приобья, Северного Причерноморья.

Наличие в материалах Предбайкалья вещей, имеющих центральноазиатское происхождение или их прототипов, свидетельствует о тесных культурно-экономических связях его обитателей с державой хунну.

По обнаруженным в бутухейских и елгинских комплексах бронзовым предметам было проведено химическое исследование для анализа состава металла и дальнейшей интерпретации материала. Исследования проводились в лаборатории кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета с помощью рентгенофлуоресцентного спектрометра ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США). Для этого использовалась специальная аналитическая программа выявления компонентов сплава из цветных металлов.

Исследованные методом полного спектрального анализа металлические изделия (48 экз.) оказались выполненными из разных сплавов. Но основными компонентами служат олово (Sn), мышьяк (As), свинец (Pb) и никель (Ni). Мышьяковистые бронзы с довольно значительным содержанием мышьяка характерны для забайкальского металла, тогда как в Предбайкалье известна металлургическая рецептура с низким содержанием мышьяка (Сергеева, 1977).

Привлекая для сравнения химико-металлургическую характеристику металла, имеющуюся в нашем распоряжении, можно сказать, что исследуемый материал более тяготеет к забайкальским типам сплавов. Подтверждает данный факт и то, что, например, в районе северобайкальского побережья следов металлургии меди не зафиксировано, что также может рассматриваться как свидетельство привозного характера изделий (Харинский и др., 2005, с. 210).

Посуда и бытовые предметы.

К *бытовым предметам* отнесены приборы для добывания огня. Одна часть прибора, являющаяся костяным упором, обнаружена в комплексе №18 памятника Цаган-Хушун II «б». С о. Осинский из сопроводительного инвентаря погребения №4 происходят детали прибора для добывания огня - костяные упоры и лучок из ребра млекопитающего. Приборы для добывания огня широко применялись хунну, о чем свидетельствуют находки в Черемуховой и Ильмовой падах (Галько-Гринцевич, 1898).

Также к бытовым предметам можно отнести костяные кружочки-застежки из погребения №4 с о. Осинский. Они круглые, односторонне выпуклые в сечении, с круглым биконическим отверстием посередине,

диаметр изделий 3,3 см (2 экз.) и 2,6 см. Подобные вещи интерпретируются как кольца для натягивания тетивы лука (Давыдова, 1956, с. 36).

Посуда.

Керамика является самым массовым археологическим материалом, имеющим большую информативную базу. Обнаруженная в елгинских и бутухейских комплексах керамика неоднородна и относится к разным типам, которые в свою очередь также имеют свои временные рамки бытования.

Сосуды с оттисками шнура, орнаментированные горизонтальными налепными валиками, принадлежат к сеногдинскому типу керамики. Керамика сеногдинского типа бытовала на побережье Байкала с XIII в. до н.э. до I в. н.э. (Кичигин, 2009, с. 161).

Приблизительно во II в. до н.э. на смену шнуровой керамике приходит гладкостенная с такими же приемами орнаментации (Кичигин, 2009, с. 163). Гладкостенные сосуды с плоским дном, орнаментированные налепными валиками, известны в Прибайкалье как керамика елгинского типа (Харинский, 2001б, 2005), по названию группы приольхонских погребений (Горюнова, 1993), в которых отмечена подобная керамическая посуда.

Керамика елгинского типа имеет орнамент в виде горизонтальных налепных валиков, рассеченных треугольным в сечении орнаментом. Она встречается на побережье озера Байкал в археологических комплексах конца I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. (Харинский, Карнышев, 2003, с. 140). Разновидностью елгинской керамической традиции является керамика сосновоостровского типа, характеризующаяся наличием прочерченного криволинейного орнамента, сочетающегося с налепными горизонтальными валиками и дугообразными вдавлениями (Харинский, 2005в, с. 208).

Взаимосвязь двух керамических традиций сеногдинской и елгинской наглядно прослеживается в основных элементах декора - налепной валик, горизонтальный ряд круглых вдавлений под ним. Орнамент лишь в некоторых случаях претерпевает небольшие изменения.

Единственной находкой, выходящей за пределы выше указанных видов керамических традиций, является плоскодонный сосуд ручной лепки, похожий на хуннские прототипы, обнаруженный рядом с кладкой №6 комплекса Байкальское XXVII на северо-западном побережье озера Байкал (Коростелев, 2004, с. 180). Его венчик сильно отогнут, треугольный в сечении. Шейка сосуда декорирована прочерченным зигзагообразным орнаментом. Он заключен между прочерченными горизонтальными линиями. По всей части тулова украшен вертикальными

полосами с небольшим наклоном в правую сторону. По центру тулова сосуда полосы заглажены, а в верхней и нижней части они выражены ярче. Глиняный сосуд полностью копирует своей формой и орнаментацией хуннские сероглиняные лощеные сосуды, выполненные на гончарном круге (Коростелев, Харинский, 2010, с. 75).

2.6. Датировка и культурная принадлежность погребально-поминальных комплексов Предбайкалья второй половины I тыс. до н.э. – первой половины I тыс. н.э.

На основе радиоуглеродного метода были получены даты с различных объектов Предбайкалья, что явилось основополагающим фактором при выводах и заключениях о времени существования бутухейской и елгинской погребальной традиции на исследуемой территории. При датировании археологических комплексов по костным останкам во внимание брался «резервуарный эффект».

В настоящее время имеется 9 радиоуглеродных дат, сделанных по бутухейским захоронениям из Приольхонья в российских лабораториях, и 11 дат из лаборатории в Уппсале. По бутухейским комплексам с северо-западного побережья Байкала имеется 3 радиоуглеродных даты, сделанные в российских лабораториях, 1 в лаборатории Аризонского университета и 6 дат из лаборатории в Уппсале.

Характеризуя радиоуглеродные даты по разным районам Предбайкалья, можно отметить, что на данном этапе исследования возраст бутухейских захоронений в регионе в целом определяется в пределах от XIV до I вв. до н.э.

По елгинским захоронениям имеется 10 дат, полученных в российских лабораториях и 10 дат из лаборатории в Уппсале. Общие хронологические рамки, определяющие время бытования елгинского погребального ритуала - V в. до н.э. – IV в. н.э. С получением новых материалов они могут быть подкорректированы с учетом локальных особенностей разных районов Предбайкалья.

Отсутствие достаточной информации по погребальным комплексам I тыс. н.э. из разных районов Предбайкалья не позволяет в настоящее время говорить о синхронности культурно-исторических процессов, которые протекали на всей территории региона. Судить о взаимодействии и смене погребальных традиций можно лишь по данным из Приольхонья. В середине I тыс. н.э. на западном побережье Байкала происходит смена погребальных традиций. Новый погребальный ритуал, отмеченный как на территории Приольхонья, так и в Баргузинской котловине, получил название черенхынского, по названию могильника Черенхын I, на котором Б.Б. Дашибаловым был раскопан крупнейший археологический объект, характеризующий эту погребальную традицию (Харинский,

2001б, с. 45). Следовательно, на территории Приольхонья в V в. получает распространение черенхынская погребальная традиция, ставшая преемницей елгинского погребального обряда.

Глава III. Предбайкалье в конце I тыс. до н.э. - начале I тыс. н.э.: генезис и взаимодействие культур.

В этой главе дается общая оценка появлению и распространению в Предбайкалье елгинской погребальной традиции и взаимодействию ее носителей с представителями других культурных сообществ.

3.1. Истоки формирования елгинской погребальной традиции.

В первой половине I тыс. до н.э. на территории Предбайкалья фиксируется несколько погребальных традиций, которые сложно соотнести к родоначальникам елгинского погребального обряда. В Приольхонье сосуществовали носители культуры плиточных могил и погребений бутухейского типа.

Исключая из числа центров, в котором могло происходить формирование елгинской погребальной традиции, территорию Предбайкалья, где в первой половине I тыс. до н.э. отсутствовали захоронения, в которых погребенные располагались на боку с подогнутыми ногами, внимание было обращено на территорию юго-западного Забайкалья. Именно здесь выявлены захоронения, в которых погребенные располагались на боку с подогнутыми ногами, головой ориентированы на восток или северо-восток. Захоронения были впущены в плиточные могилы. Группу захоронений из юго-западного Забайкалья, впущенных в плиточные могилы, в которых умершие располагались на боку с подогнутыми ногами А.В. Харинский предложил назвать погребениями сотниковского типа (Харинский, 2006а).

Процесс формирования сотниковской культурной общности имел следующую последовательность. В конце II тыс. до н.э. предки сотниковцев были вытеснены из степных районов Южного Забайкалья носителями культуры плиточных могил, обосновавшись преимущественно на малопригодных для кочевого скотоводства территориях. Начиная с V в. до н.э. сотниковцы вновь возвращаются в степные районы Забайкалья, занимая те ландшафтные ниши, где до них жили носители культуры плиточных могил. Повторяя путь, когда-то проделанный носителями культуры плиточных могил, елгинцы пересекли Байкал и заселили лесостепные районы, охватывая территории, на которых можно было заниматься полуседлым скотоводством (Харинский, 2005в, с 46).

Изменение погребального обряда, фиксируемое у потомков сотниковцев в Предбайкалье, вероятно, было обусловлено влиянием на них со стороны носителей бутухейских погребальных традиций, с

которыми они, например, в Приольхонье соседствовали около ста лет. Под их воздействием восточная ориентировка сотниковцев меняется на юго-восточную, а надмогильные кладки тех и других стали практически одинаковыми – овальная или подпрямоугольная плоская конструкция из камней. Изменения, произошедшие с сотниковцами на западном берегу Байкала, привели к формированию новой культурной общности – елгинской.

3.2. Культурно-историческая обстановка в Байкальском регионе на рубеже эр. На территории Предбайкалья в первой половине I тыс. до н.э. совместно существовали две погребальные традиции. Первая из них — бутухейская, для которой характерна плоская овальная каменная кладка, вторая – плиточные могилы, над которыми сооружалась четырехугольная или овальная оградка из вертикально или наклонно установленных плит. Положение умерших для обоих погребальных обрядов было одинаковое. Погребенные располагались вытянуто, на спине, головой ориентированы в восточном, юго-восточном и южном направлении (Туркин, 2003; Харинский, 2004а).

Происхождение бутухейской погребальной традиции, вероятнее всего, берет начало в бронзовом веке и связано с местным «аборигенным» населением. Над захоронениями сооружались плоские каменные кладки округлой формы диаметром 3-5 м. Погребенный в могильной яме был уложен на спине, вытянуто, ориентирован головой на запад, юго-запад и север-запад. При появлении на территории Предбайкалья носителей культуры плиточных могил были неизбежны их культурные контакты с бутухейским населением. Вполне вероятно, что они отразились и на погребальном обряде бутухейцев. Ориентировка погребенных меняется на юго-восточную, что характерно в большинстве случаев для культуры плиточных могил.

Со второй половины I тыс. до н.э. на территории Предбайкалья появляется елгинская погребальная традиция. Начальный этап этого периода V-III вв. до н.э. характеризуется появлением первых елгинских захоронений к востоку от Байкала и продолжением господства на этой территории бутухейского погребального ритуала и плиточных могил. Елгинский погребальный ритуал отличался от захоронений бутухейцев и плиточников по положению погребенного в могильной яме, которого хоронили на бок с подогнутыми ногами, головой ориентировали на юго-восток.

Таким образом на протяжении второй половины I тыс. до н.э. на территории Предбайкалья наблюдается взаимовлияние отдельных характеристик погребального обряда у разных групп населения. Примерно в таком ключе можно рассматривать отношения,

установившиеся в конце II – I тыс. до н.э. сначала между бутухейцами и «плиточниками», а затем между бутухейцами и елгинцами.

Рассматривая в целом Прибайкалье и его соседние регионы, стоит выделить районы, где также имеются погребения, в которых умерших хоронили с подогнутыми ногами. Такие захоронения, датируемые серединой I тыс. до н.э. – началом I тыс. н.э., раскопаны на памятниках Забайкалья, в Еравнинской котловине, в долине р. Витим, расположенной к северу от Байкала, в Баргузинской долине.

Елгинская погребальная традиция, просуществовавшая в Предбайкалье почти тысячу лет, не исчезает бесследно, как, например, культура плиточных могил, а становится основой для формирования новой культурной общности – носителей черенхынских погребальных традиций.

В Заключение подведены основные итоги исследования, отражающие степень достижения поставленной цели и сформулированных задач.

Благодаря исследованиям А.П. Окладникова, И.В. Асеева, О.И. Горюновой, В.И. Смотровой, А.В. Харинского и др. археологов, был накоплен достаточно представительный материал, который потребовал дальнейшего осмысления. Комплексная характеристика погребально-поминальных комплексов Предбайкалья, датирующихся второй половиной I тыс. до н.э. – первой половиной I тыс. н.э., позволила выделить особенности бутухейского и елгинского погребального обряда.

Для бутухейской погребальной традиции, существовавшей в Предбайкалье с XIV в. до н.э. до начала I в. до н.э., характерно наличие над захоронением плоской овальной каменной кладки и положение погребенного в могильной яме вытянуто на спине, головой ориентированного на восток - юго-восток. Сопроводительный инвентарь представлен только костяными наконечниками стрел с расщепленным насадом, костяными (роговыми) накладками сложносоставного лука, железными и бронзовыми бляшками (с изображением головы грифонов) и пуговицами, ножами, изготовленными исключительно из бронзы, а также остатками керамической посуды с оттисками шнура.

Елгинская погребальная традиция характеризуется наличием над погребениями плоских каменных кладок, по форме овальных либо четырехугольных и положением костяка в могильной яме на правом или левом боку, скорченно, головой ориентированного на юго-восток. Хронологические рамки ее существования определяются V в. до н.э. – IV в. н.э. Сопроводительный инвентарь представлен костяными наконечниками стрел с расщепленным насадом и появлением первых железных наконечников стрел; костяными (роговыми) накладками

сложносоставного лука; ножами, преимущественно изготовленными из железа; бронзовыми и железными деталями костюма, относящимися к предметам хуннуского облика; преобладанием елгинской керамической традиций, представленной гладкостенными плоскодонными сосудами, украшенными налепными валиками, вдавлениями и прочерченным орнаментом.

К концу I тыс. до н.э. елгинский погребальный ритуал становится доминирующим в остепненных районах Предбайкалья. На территории, занимаемой елгинцами появляются археологические памятники до этого не встречавшиеся в регионе – металлургические центры по производству железа, городища-святилища, поминальники шатрового типа. В это время жители Предбайкалья поддерживают активные культурные связи со своим южным соседом – державой хунну. В елгинской среде распространяются вещи, характерные для хуннуской культуры, прежде всего, включающие различные изделия из бронзы.

К середине I тыс. н.э. елгинские погребальные традиции на территории Предбайкалья сменяются черенхынским погребальным ритуалом. Целый ряд элементов погребального ритуала черенхынцев и елгинцев, а также другие элементы материальной и духовной культуры имеют общие черты, что указывает на их культурную близость и формирование черенхынской культурно-исторической общности на основе елгинской.

Список работ, опубликованных автором по теме диссертации:

Статьи в ведущих рецензируемых научных изданиях и журналах, рекомендованных ВАК:

1. **Коростелев, А.М.** Погребально-поминальный комплекс Байкальское VII на северо-западном побережье Байкала / А.М. Коростелев // Известия Алтайского государственного университета. – 2010. – 4/1 (68). - С. 155-159 (0,3 п.л.).

2. **Korostelev, A.M.** Pottery from Archaeological Site Baikal'skoe VII (North-West Coast of Lake Baikal) / A.M. Korostelev // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2011. - 1 (4). – P. 63-73 (0,6 п.л.).

3. **Коростелев, А.М.** Население Приольхонья на рубеже эр: по археологическим данным / А.М. Коростелев // Вестник ИрГТУ. – 2011. - 7(54). - С. 238-242 (0,5 п.л.).

4. Кичигин, Д.Е., **Коростелев, А.М.**, Харинский, А.В. Петроглифы мыса Лударь (северо-западное побережье озера Байкал): результаты работ 2016 г./ Д.Е. Кичигин, А.М. Коростелев, А.В. Харинский // Известия

Лаборатории древних технологий. – 2018. – 14(1). – С. 20-39 (авт. вкл. - 0,4 п.л.).

5. Кичигин, Д.Е., Емельянова, Ю.А., **Коростелев, А.М.** Парное погребение раннего бронзового века могильника Мыс Уюга / Д.Е. Кичигин, Ю.А. Емельянова, А.М. Коростелев // Известия Лаборатории древних технологий. – 2019. – 15(2). – С. 29-46 (авт. вкл. – 0,2 п.л.).

Статьи и тезисы:

6. **Коростелев, А.М.** Погребения эпохи бронзы на побережье Северного Байкала / А.М. Коростелев // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем: Материалы Всероссийской (с международным участием) 43-й археолого-этнографической конференции молодых ученых. - Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. - С. 174-175 (0,1 п.л.).

7. **Коростелев, А.М.** Ранний железный век северного побережья озера Байкал (по материалам памятника Байкальское XXVII) / А.М. Коростелев // Традиционные культуры и общества Северной Азии с древнейших времен до современности: сб. тез. - Кемерово: Изд-во Кем. гос. ун-та, 2004. - С. 180-181 (0,2 п.л.).

8. **Коростелев, А.М.** Украшения населения северного побережья озера Байкал во второй половине I тыс. до н.э. / А.М. Коростелев // Истоки, формирование и развитие евразийской поликультурности. Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности: сб. тез. – Иркутск: Изд-во РПЦ «Радиан», 2005. – С. 205-207 (0,2 п.л.).

9. Харинский, А.В., **Коростелев, А.М.** Кенотафы железного века на северном побережье озера Байкал / А.М. Коростелев // Социогенез в Северной Азии: Сборник научных трудов. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. – Ч.1. – С. 336-342 (авт. вкл. - 0,16 п.л.).

10. **Коростелев, А.М.** Предметы звериного стиля в материалах погребений Предбайкалья в середине I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. / А.М. Коростелев // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: сб. тез. – Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. пед. ун-та им. В.П. Астафьева, 2006. – Т. 1. – С. 131-136 (0,2 п.л.).

11. **Коростелев, А.М.** Елгинская погребальная традиция Предбайкалья / А.М. Коростелев // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций: сб. тез. – Барнаул: Азбука, 2008. – С. 164-165 (0,2 п.л.).

12. **Коростелев, А.М.** Хронология и типология изделий, выполненных в зверином стиле, с территории Прибайкалья / А.М. Коростелев // Социогенез в Северной Азии: материалы 3-й всероссийской конференции. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2009. – С. 177-183 (0,3 п.л.).

13. Кичигин Д.Е., **Коростелев А.М.** Археологические исследования в северо-восточной части Приольхонья / А.М. Коростелев // Известия Лаборатории древних технологий: сборник научных трудов. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2009. – Вып. 7. – С. 211-223 (авт. вкл. – 0,5 п.л.).

14. Харинский, А.В., Эрдэнэбаатар, Д., **Коростелев, А.М.**, Тумэн, Д., Эрдэнэ, М., Идэрхангай, Т. Погребально-поминальный комплекс Хавцал II и некоторые вопросы древней истории Прихубсугуля / А.М. Коростелев // Mongolian Journal of Antropology, Archaeology and Ethnology. – 2009. - Vol. 5, №1 (344). – С. 131-139 (авт. вкл. 0,1 п.л.).

15. **Коростелев, А.М.** Керамика в погребально-поминальных комплексах железного века с северо-западного побережья озера Байкал (на примере памятника Байкальское VII) / А.М. Коростелев // Евразийское культурное пространство. Археология, этнология, антропология: сб. тез. - Иркутск: Изд-во «Отгиск», 2010а. – С. 229-232 (0,2 п.л.).

16. Харинский, А.В., Эрдэнэбаатар, Д., **Коростелев, А.М.** Херексур – универсальный объект погребальной практики / А.М. Коростелев // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний: материалы международной археолого-этнографической конф. – Томск: Аграф-Пресс, 2010. – С. 322-324 (авт. вкл. – 0,1 п.л.).

17. **Коростелев, А.М.**, Харинский, А.В. Погребально-поминальный комплекс Байкальское 27 и его культурно-хронологическая интерпретация / А.М. Коростелев // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы междунар. науч. конф. - Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. – С. 73-76 (авт. вкл. – 0,2 п.л.).

18. Харинский, А.В., **Коростелев, А.М.** Западное побережье озера Байкал в хуннское время (по материалам могильника Цаган-Хушун II) / А.М. Коростелев // Хунну: археология, происхождение культуры, этническая история: сб. науч. ст. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011а. – С. 173-203 (авт. вкл. – 0,26 п.л.).

19. Харинский, А.В., **Коростелев, А.М.** Результаты исследования погребально-поминального комплекса Цаган-Хушун II «а» в Приольхонье / А.М. Коростелев // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы междунар. науч. конф. - Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2011б. - Вып. 2. - С. 377-385 (авт. вкл. – 0,5 п.л.).